ВВСБ

Контролируемая социализация

Евгения Панкова

Евгения Панкова

ВВСБ. Контролируемая социализация

«Автор»

2026

Панкова Е.

ВВСБ. Контролируемая социализация / Е. Панкова — «Автор», 2026

В «Светляках» еще никто не выживал, но Коннору повезло. Зона «выплюнула» его в другой мир. Вот только новая жизнь не так легко дается бывшему подопытному — будут и беды, и сложности. Но главное — теперь он не один, ведь рядом появятся новые разношерстные (и в прямом смысле тоже) друзья, готовые принять его со всеми шрамами и «тараканами».История о том, как заново научиться дышать, доверять и просто жить, когда ты не можешь контролировать свою врожденную силу.

© Панкова Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1 Длинный поводок 5
Часть 2 Иная реальность 18
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Евгения Панкова
ВВСБ. Контролируемая социализация

Часть 1 Длинный поводок

Тяжелые ботинки хрустнули по битому стеклу и крошеву бетона. Перед ними высился периметр: три ряда колючей проволоки, по которой раньше шел ток, и покосившийся забор с облезлой краской. За ним начиналась Зона — место, где законы природы работали через раз.

Т-Рекс остановился, поднял руку, привлекая внимание Коннора, и привычным движением поправил лямку тяжелого рюкзака. Его комбинезон, видавший виды, но крепкий, с усиленными кевларовыми вставками, казался второй кожей.

— Слушай сюда, малой, — не оборачиваясь, произнес Т-Рекс. — Шаг в шаг за мной. Видишь рыжий мох — обходи. Слышишь звон в ушах — падай и ползи назад.

Коннор, чей защитный костюм и снаряжение пока еще отличались относительной новизной и чистотой, кивнул.

— Понял, Рекс. Не первый раз за забор лезу.

— За этот забор — первый, — отрезал Т-Рекс.

Он достал из кармана массивные кусачки. Металл заскрежетал, перекусывая ржавую «колючку». Т-Рекс аккуратно отогнул нижний край сетки, образуя лаз.

— Давай, малой, вперед. Только без фокусов.

Коннор, пригнувшись, проскользнул в образовавшуюся щель. Т-Рекс последовал за ним, на мгновение задержавшись, чтобы бросить взгляд на пустую дорогу позади.

Этого мгновения хватило, чтобы Коннор попал в ловушку.

В голове промелькнула злая мысль: ведь знал же, что сегодня не стоило идти. Сны редко обманывали, а черви в яблоке всегда снились к какой-нибудь гадости. Но день начался на удивление мирно, по дороге на точку ничего не случилось, и почва под ногами была сухая, плотная... Ничего не предвещало. Как говорится, просто не повезло.

Земля под правой ногой внезапно расступилась и с чавкающим звуком выпустила рой. Призрачно-зеленые огоньки взметнулись к небу, окутывая и беззвучно растворяя парня.

В первый же миг Коннор успел осознать: все, хана. Призрачная зелень вгрызалась в саму суть его существа. Это не было похоже на огонь — тот кусает и жжет. Эта аномалия, которую сталкеры называли «Зеленым выдохом» или просто «Светляками», действовала иначе: она растворяла границы между телом и воздухом. Он чувствовал, как каждый нерв превращается в натянутую до предела струну, по которой бьют раскаленным молотом.

Коннор стиснул зубы так сильно, что послышался хруст — эмаль не выдерживала, но из горла не вырвалось ни звука. Из чистого упрямства. Да и орать от боли — позорно. Хрен с ним, что Т-Рекс единственный свидетель, все равно стремно. Не дождется.

Упрямство, замешанное на чистом адреналине, заставило его держаться прямо, даже когда ноги перестали ощущать опору. Сознание, спасаясь от невыносимой боли, сделало отчаянный кувырок назад, утягивая его в самый первый день, с которого когда-то началась его жизнь в этом мире.

***

Однажды на лесной базе отдыха…

Джоанна проснулась от какого-то тревожного чувства. Обычно Барни, их пёс, чувствовал пробуждение хозяев и всегда прибегал поприветствовать их. Но не в этот раз. Женщина встала и, прикрыв покрывалом что-то бормотнувшего во сне мужа, пошла проверить.

Их дорогой золотистый «хороший мальчик» был не один. Рядом с ним, положив светло-русую головёнку на тёплый собачий бок, лежал ребёнок — мальчик лет полутора-двух.

При появлении хозяйки пёс осторожно, стараясь не разбудить малыша, застучал хвостом о пол, а потом, не выдержав, приподнял голову. Мирно спавший до этого ребёнок проснулся, сел, задумчиво огляделся, улыбнулся и потянулся к собаке.

— Ник, дорогой, иди сюда, посмотри на это! Откуда взялся ребёнок? — Малыш уже успел встать и, обнимая пса за шею, что-то лепетал в мохнатые уши.

Конечно же, муж прибежал знакомиться. Казалось, его совсем не удивило появление маленького гостя. Ник присел на корточки и протянул руку ребёнку:

— Ребенок, ты откуда? Тебя как зовут?

— Конар, — мило картавя, сообщил ребёнок. Он без малейшего страха взглянул на взрослых, серьёзно пожал протянутую руку и доверительно добавил, гладя пса по ушам: — Гав.

Собака явно интересовала его больше.

— В собачью дверцу пролез, не переживай, — хмыкнул Ник. — Наверное, из соседского домика убежал, сейчас найдём родителей. Спорим, они даже не заметили его отсутствия?

— А я думаю, они без ума от ужаса, пойдём скорее, нельзя терять ни минуты, — Джоанна мягко, но настойчиво отцепила малыша от собаки и подхватила на руки.

Ребёнок только вздохнул и притих у неё на плече, внимательно разглядывая незнакомку. Светло-карие, с мягким медовым отливом глаза — этот цвет казался слишком необычным для такого крохи. И в этот момент женщина заметила на его правой скуле тонкую, едва заметную розовую полоску. Шрам на пухлой детской щёчке выглядел пугающе неправильно. Женщина невольно крепче прижала малыша к себе.

***

Нерадивые родители не нашлись ни на базе отдыха, ни в ближайшем посёлке. Полиция также не нашла никаких следов. Ребёнок был передан в детский дом, откуда его вскоре забрали и усыновили Эвансы — та самая пара, собака которых так очаровала маленького Коннора. На эту базу отдыха семья больше никогда не выезжала. Своих детей у Джоанны и Ника не было, и Коннора они приняли как родного. Пёс Барни стал его первым другом, а привычка засыпать рядом с собакой осталась с ним надолго.

Так они и жили, пока однажды не случилось одно происшествие, перевернувшее их уютный мирок. Когда Коннору было около пяти лет, на детской площадке его столкнули с горки. Но вместо того, чтобы просто, без затей, удариться о землю и разбить голову, он исчез прямо в воздухе. А через пару секунд появился на скамейке недалеко от злополучного аттракциона, рядом с мамой и собакой. Джоанна, с некоторых пор уверовавшая, что ребёнка им послали ангелы, списала это странное событие на вмешательство высших сил.

Увы, один из случайных свидетелей происшествия очень заинтересовался удивительным ребёнком. Раз за разом он просматривал видеозапись с городской камеры. Так и есть: пацан летит вниз головой, в полёте исчезает и появляется возле матери — никакого сбоя, всё зафиксировано, и таймер не сбивается ни на долю секунды. В конце концов бдительный гражданин передал информацию «кому надо».

***

Неделю назад к ним в дом заявился высокий мужчина в безупречном сером костюме. Представился как агент Блэйз. Он говорил вежливо, но его слова звучали как завуалированные угрозы. Он знал о Конноре. И о его особенностях.

— Уникальный дар требует уникального контроля, — ровным, почти убаюкивающим голосом произнес гость. Он не смотрел на родителей. Его взгляд был прикован к Коннору, словно мужчина оценивал дорогую, редкую вещь. — Мы предлагаем сотрудничество. Защиту. Будущее, достойное его потенциала. Которое вы просто не сможете ему обеспечить.

Барни, до этого тихо лежавший в центре города из кубиков, вдруг поднялся. Его шерсть на загривке встала дыбом, а из пасти вырвалось низкое, вибрирующее рычание. Агент даже не повернул головы в сторону огромного пса.

— Наш сын не подопытный кролик! — Ник шагнул вперед, закрывая собой мальчика. Его кулаки побелели.

— Мы обычная семья, — подхватила Джоанна. Её голос дрожал, она сильнее прижала сына к себе. — Уходите. Мы сами справимся.

Агент даже не нахмурился. Он лишь сочувственно улыбнулся и медленно поднялся с кресла, поправляя идеально сидящий пиджак. Он посмотрел в панорамное окно, за которым далеко внизу расстилался город.

— Вы совершаете ошибку, которую нельзя будет исправить, мистер и миссис Эванс. Мир — очень хрупкое место, полное случайностей. В нем случаются пожары, падения с высоты... автомобильные аварии... Особенно с теми, кто отказывается от нашей защиты. Подумайте о мальчике. Будет жаль, если его потенциал угаснет вместе с вами.

От этой вежливой улыбки и того, как обыденно мужчина перечислил катастрофы, у Ника по спине пробежал холодок. Но страх мгновенно перерос в ярость.

— Вон из моего дома, — процедил Ник.

Пришелец лишь снисходительно хмыкнул, не двигаясь с места, и потянулся к карману пиджака. Это стало последней каплей. Ник шагнул вперед. Он был заметно крупнее и шире агента в плечах, и эта разница в массе сейчас подавляла.Отец действовал без лишних слов. Прежде чем гость успел среагировать, Ник железной хваткой сгреб безупречный серый воротник его пиджака. Джоанна обнимала Коннора, но мальчик все равно подглядывал из-под ее руки. Он широко раскрытыми глазами смотрел, как этот важный, пугающий мужчина, потеряв равновесие, нелепо заперебирал ногами. Отец распахнул массивную дверь квартиры и просто вытолкнул агента на порог.

— Ещё раз приблизишься к моей семье — я тебя из окна скину. Без всяких случайностей, — тяжело выдохнул Ник и с грохотом захлопнул дверь.

В прихожей воцарилась оглушительная тишина. Джоанна продолжала баюкать Коннора, тихо шепча, что все позади, а Барни глухо рычал у их ног. Мальчику показалось, что опасность миновала.

***

А сейчас Ник и Джоанна старались казаться веселыми и беззаботными, рассказывая, как здорово проведут время в выходные. Но маленький Коннор понимал, что их веселье напускное, о чем и сообщил на ушко Барни:

— Мне кажется, это будет не просто поездка в лунапарк. Мама бы не собирала чемоданы и твои миски. Да тебя бы вообще оставили дома. Наверное, мы поедем куда-то далеко... Может, даже на море.

***

Спустя несколько часов, на пустой загородной трассе, фары встречного грузовика, внезапно выехавшего из темноты на их полосу, ослепили их. Крик Джоанны потонул в скрежете металла и звуке бьющегося стекла. Синий седан семьи Эванс превратился в груду искореженного металла. Это была быстрая и эффективная «случайность».

Ребенок и собака, сидевшие на заднем сиденье, каким-то чудом почти не пострадали. При попытке разлучить их, плачущий Коннор только крепче прижимался к псу, обхватив его за шею, а Барни рычал, не подпуская ни врачей, ни полицейских. Пса бы просто пристрелили прямо на обочине, если бы не мужчина, вышедший из подъехавшего к месту аварии черного минивэна. Это был доктор Левицки, ведущий специалист центра социальной адаптации «Меридиан». Он присел на корточки перед мальчиком. Левицки умел располагать к себе: его голос звучал искренне и тепло. Он мягко убедил Коннора вместе с его песиком поехать в больницу, навестить маму и папу, чтобы те не волновались. А то, что мама и папа уже умерли, такому малышу пока знать было не обязательно. Будущее Коннора, как и его способности, теперь принадлежало структуре, изъявшей его из привычного мира.

Коннор второй раз в жизни попал в детское учреждение. За красивой вывеской Центра социальной адаптации «Меридиан» скрывался Департамент особого назначения. ДОН — именно так значилось в закрытых протоколах и на папках под грифом секретности.

Единственной отрадой был Барни, который, по ходатайству детского психолога, доктора Левицки, был оставлен мальчику. Пес умер от старости, когда Коннору было 12. Просто не проснулся. Когда Барни не стало, у Коннора не осталось причин проявлять свои чувства. Он замкнулся в себе окончательно.

***

Блэйз и Левицки стояли в коридоре перед палатой, через стекло которой был виден неподвижный Коннор, лежавший на кровати.

— Вы понимаете, что «Стикс» сейчас его добьет? — Левицки не скрывал раздражения, кивнув на спящего мальчишку сквозь стекло. — У него перелом трех ребер, сотрясение, вывих плеча и острая стрессовая реакция. Нейролептики при такой травме головы — это приговор.

— Он переместил себя на сорок метров сквозь две кирпичные стены. Спонтанная телепортация такого уровня в двенадцать лет — это не «просто стрессовая реакция», это аномалия высшего порядка. Протокол требует блокировки.

— Он потерял собаку! — Левицки понизил голос до яростного шепота. – Единственное живое существо, которое было ему дорого после гибели родителей. Знаете, чего мне стоило убедить руководство оставить этого чертова пса при нем?

— Знаю, вы просто написали пару писем и тем самым втерлись в доверие к объекту наблюдения. Отлично проведенная работа, очередное повышение по службе. —Блэйз усмехнулся.

— Если бы... Пес меня терпеть не мог, а Коннор взял на веру слова отца: «Барни чувствует плохих людей». Мелкий паршивец... Но сейчас пес мертв, и я бы многое отдал, чтобы вернуть его. Коннор даже не почувствовал удара об стену, потому что боль внутри была сильнее. А вы... заковали его.

— Блокираторы гарантируют, что он не решит материализоваться посреди оживленного шоссе в порыве очередной депрессии, — Агент наконец посмотрел на психолога холодным, бесстрастным взглядом. – Нам не нужен труп одаренного, и нам не нужны разрушения.

— Он не сопротивлялся ни одной процедуре. Врач вправлял ему плечо, а он даже не поморщился. Он просто смотрел в потолок. Знаете, что он спросил, когда немного пришел в себя?

Блэйз приподнял бровь.

— Он спросил, разрешат ли ему его похоронить. Собаку.

Агент на секунду замолчал, поправил манжеты, скрывающие его собственные шрамы.

— Скажите ему, что ЦСА уже утилизировал останки по санитарным нормам. И проследите, чтобы браслеты плотно прилегали к коже.

— Вы же понимаете, что так вы его окончательно сломаете?

— Моя работа — контролировать его силу, Левицки. Лечить его душу — это ваша проблема. Агент развернулся и пошел по коридору. Левицки остался у окна, глядя на тонкие запястья мальчика, сдавленные холодным металлом. Ребенок в палате не шевелился.

***

Проснувшись, Коннор увидел ослепительно-белый потолок больничного бокса. Сначала пришла физическая боль — ребра отзывались острой вспышкой при каждом вдохе. Но почти сразу их заглушила другая, ментальная, — та, от которой нельзя было наложить гипс.

Больничная тишина была слишком похожа на ту, страшную тишину в его комнате, когда не стало Барни. Тогда она тоже была неправильной. Она не была наполнена привычным сопением и тихим постукиванием хвоста по полу. Коннор открыл глаза и сразу всё понял. Барни лежал на своей подстилке, вытянувшись, словно просто крепко спал, но его бок больше не поднимался. Коннор сполз с кровати, коснулся еще теплой шерсти за ухом и позвал его. Тишина. В этот момент внутри него что-то надломилось. Не было ни крика, ни слез — только резкое, физическое нежелание находиться в этой реальности. Он хотел оказаться там, где этой пустоты не существует. Мир вокруг него схлопнулся, а потом взорвался ударом о кирпичную кладку.

Коннор посмотрел на свои руки. Тяжелые черные браслеты с синим отливом плотно обхватывали запястья. Он вцепился пальцами здоровой руки в холодный металл. Ногти заскрежетали по сплаву, пытаясь найти защелку или слабое место. Коннор дернул — сначала слабо, потом сильнее, превозмогая адскую вспышку в вывихнутом плече и не обращая внимания на то, как края браслета врезаются в кожу. Внутри него поднималась волна — та самая, которая позволяла ему чувствовать пространство как продолжение собственного тела. Хотелось просто оказаться в другом месте. Подальше от этих стен, от запаха антисептика, от осознания, что его никто не ждет. В ту же секунду браслеты отозвались. Тонкий, едва слышимый гул усилился и с внутренней стороны металла в запястья вонзились микроиглы пневматического инъектора.

В кровь под давлением впрыснуло ингибитор. Мир перестал дрожать, готовясь рассыпаться на атомы. Коннор этого не знал и не понимал, но адреналин, который был его топливом для прыжка, просто нейтрализовался, оставляя после себя лишь тошноту и слабость. Руки бессильно упали на простыню. Пальцы, еще секунду назад судорожно сжимавшие металл, расслабились. Браслеты затихли, вернувшись к мягкому, едва заметному свечению.

***

Левицки и Блэйз сидели перед монитором, наблюдая за группой детей. Мальчишки, пользуясь отсутствием учителя, затеяли какую-то игру, смеялись и толкались. Коннор сидел за третьей партой, не участвуя в общем веселье. Его взгляд был устремлён куда-то сквозь стол, а руки с браслетами (дети прозвали их «усмирителями») неподвижно лежали на коленях.

— Уровень активности стабильно низкий, блокираторы — Левицки передёрнуло, — справляются, но апатия затягивается. В его случае изоляция в интернате только усугубит распад личности. Ему нужна структура. Труд.

Блэйз кивнул.

— В чём проблема? Согласно закону, дети должны отработать долг государству. Сколько ему сейчас? Двенадцать? Самое время для начала учебы и работы. Заодно и физически окрепнет.

***

Уже на следующий день в центральном холле воспитанники, достигшие двенадцати лет, были построены в шеренгу.

— Смирно! Глаза на меня, — голос надзирателя лязгнул, как затвор. — Государство вас кормит и одевает не для того, чтобы вы здесь потолки разглядывали. Бесплатных обедов в природе не существует. С двенадцати лет каждый из вас — это не просто ребёнок, а мобилизационный ресурс. Завтра начинается распределение по цехам. Три года на обучение, и в пятнадцать вы обязаны выдать стране первый результат. Либо вы становитесь полезным винтиком в системе, либо система вас перемалывает. Вопросы есть? Вопросов нет. Разойдись.

***

Коннор безучастно сидел в кабинете Левицки, уставившись в пол.

— Коннор, согласно закону о социализации одарённых сирот ты распределён в Третий муниципальный автопарк. — Психолог попытался заглянуть в глаза мальчишке. — Начнёшь обучение на помощника механика. Это работа с железом, схемами и двигателями. Там не нужно много говорить. Там нужно восстанавливать то, что сломано. Коннор едва заметно вздрогнул при слове «сломано», но промолчал..

***

Два дня спустя. Мастерская.

Огромный ангар пах мазутом, старой окалиной и разогретым металлом. Запах был резким, но каким-то… честным. Здесь не было стерильности больницы и виноватой жалости воспитателей. Старый мастер указал Коннору на разобранный двигатель тяжёлого грузовика.

— Вот твоя парта, парень. Инструменты в ящике. Отмывай детали от нагара, проверяй зазоры. И не лезь пальцами в привод, если не хочешь их оставить там. Понял?

Коннор кивнул. Он опустился на корточки перед грудой шестерёнок. Браслеты на запястьях привычно загудели, реагируя на его мимолётное волнение, но он взял себя в руки. Он подобрал деталь — тяжёлую, маслянистую, осязаемую. В ней не было души, которую можно потерять. Только сталь. Коннор начал тереть металл ветошью. С каждым движением его мысли упорядочивались. Машины были предсказуемы. Если двигатель не заводился, у этого была причина: износ, нехватка топлива, обрыв цепи. Всё можно было измерить, открутить и заменить. Люди и собаки умирали. А этот мотор просто ждал, когда его соберут заново. Коннор спрятал руки в рабочие перчатки, прикрывая позорные браслеты, и с головой ушёл в учёбу. Железо стало его надёжным убежищем, а тяжёлый гаечный ключ в руке возвращал утрачен-

ное ощущение контроля. Если он не мог починить свою жизнь, то хотя бы заставит работать этот старый мотор. На тот момент им руководили всего два желания: побыстрее убраться из ненавистного интерната и сделать так, чтобы из-за неисправной техники больше никогда и ни у кого не случалось аварий. Именно в таком порядке.

***

Спустя три года. Вторая попытка побега. На этот раз почти удачная. Почти. Его поймали в городе.

В углу КПЗ, на узкой скамье, сидели трое. От них пахло костром, сыростью и тем особым металлическим привкусом, который приносит ветер из Зоны. Зона... Мальчишки в ЦСА о ней рассказывали шёпотом, а парней из «Стаи» просто боготворили. Они свободны, грязны, дерзки и знают об аномальной зоне то, чего не пишут в учебниках. К тому же, в душе Коннора, так и не смирившегося с потерей пса, эмблема «Стаи» — стилизованный след волчьей лапы, отзывалась чем-то родным. Но сейчас это его не волновало. Парни переглянулись, когда дежурный впихнул Коннора в камеру.

— Гляньте, какого зверя привели, — хмыкнул старший, парень с глубоким шрамом на предплечье. — Пацан, ты что, банк ограбил? Или самого губернатора за пятку укусил?

Внимание всей троицы приковал не сам Коннор, а широкие, матово-чёрные браслеты на его руках. Они не были соединены друг с другом, но мерцали едва заметным синеватым

огоньком и намертво сжимали запястья. От этих штук исходил низкий, почти ультразвуковой гул, от которого у сталкеров заныли зубы.

— Это что ещё за бижутерия? — спросил второй, помельче, подавшись вперёд. — На обычные наручники не похоже.

Коннор промолчал, прислонившись затылком к холодной стене. Он чувствовал, как блокираторы гасят любую попытку пространства вокруг него «схлопнуться». К тому же, при задержании полицейские кажется, повредили «усмирители». Запястья жгло от непрерывных ледяных толчков, мышцы рук сводило дикой судорогой, а усилившийся в разы гул просто сводил с ума.

— Эй, я с тобой разговариваю, — сталкер со шрамом прищурился. — Мы в Зоне разные штуки видели, но чтобы в городе на малолетку надевали подавители... Ты кто такой вообще?

Коннор посмотрел на него исподлобья. Тяжёлый взгляд светло-карих, почти жёлтых глаз заставил сталкера невольно осечься.

— Я просто автомеханик, — глухо ответил мальчишка. — А это... чтобы я не ушёл с работы пораньше.

Когда за дверью послышались размеренные шаги охраны и лязг ключей, старший из сталкеров — тот, со шрамом — быстро поднялся. Он прошёл мимо Коннора к выходу, словно слу-

чайно зацепив его боком. В этот короткий миг Коннор почувствовал, как в карман его безрукавки скользнула узкая полоска плотной бумаги.

— У тебя взгляд человека, которому нечего терять, — не оборачиваясь, негромко произнёс сталкер. — Если снимешь свои «часики» и захочешь увидеть, как выглядит настоящая свобода — ищи «Стаю» у старого депо. Спроси Грея.

Тяжёлая дверь КПЗ скрипнула. На пороге стоял полицейский:

— Эванс, на выход.

За спиной полицейского маячил Левицки — в неизменном отглаженном сером костюме, пахнущий дорогим парфюмом и не менее дорогим табаком. Он мягко улыбнулся Коннору, игнорируя сидящих в углу сталкеров.

— Опять ты за старое, Коннор. А ведь мы так старались создать для тебя подходящие условия. Иди сюда, нужно подписать бумаги о передаче тебя под мою опеку.

Он сменился в лице, глянув на руки выходящего из камеры парня. и рявкнул на дежурного

— Что за самодеятельность? Какого чёрта вы копались в приборах?! — Ядовито-синее мерцание аварийного режима и невыносимый гул говорили сами за себя.

— Да мы откуда знали… — дежурный испуганно попятился, бледнея под этим взглядом. — Патрульные его когда на улице брали, он вырывался, они его поваляли... слегонца. Железки эти зажужжали, замигали, а пацан затих. Мы думали, так и надо, ну и заперли его…

— Идиоты, — процедил сквозь зубы Левицки, доставая из кармана пиджака электронный ключ. Заклинили автоматику. Парень под завязку накачан нейролептиком, ещё час бездействия, и они бы отвечали перед Департаментом за труп с остановившимся сердцем.

***

Психолог молча вел Коннора по коридору интерната. Никаких нотаций, никакого гнева. Эта тишина давила сильнее, чем гнетущая обстановка и гул взбесившихся браслетов в камере. К слову, сейчас они вели себя как обычно.

У дверей процедурного кабинета Левицки передал парня штатному врачу.

— Зайди, Эванс, — обыденно произнесла доктор Виккерс, придерживая дверь. — После КПЗ положен полный осмотр и плановая ревакцинация. Ты же знаешь правила.

В кабинете стоял запах озона и спирта. Медсестра, не глядя на парнишку, быстро обработала антисептиком поврежденную кожу на запястьях. Достала из индивидуального бокса шприц-пистолет.

— Расслабь плечо.

Легкий щелчок, почти безболезненный укол. Коннор даже не заметил, как под кожу, в слой жировой клетчатки, скользнула капсула «Маркер-7». Микрочип биосовместим, не дает тепла и не прощупывается пальцами. Теперь для систем слежения «Меридиана» Коннор превратился в пульсирующую точку на карте.

— Иди к себе, — Виккерс сделала пометку в планшете. — Сегодня ты свободен от смены в гараже. Подумай о своем поведении.

Коннор вышел, чувствуя, как после пережитого на него накатывает тяжелая, непреодолимая сонливость. Он не знал, что в этот момент в кабинете психолога на мониторе уже высветилась траектория его пульса и уровень кортизола в крови.

Левицки выбрал на компьютере две фотографии Коннора, в профиль и анфас, добавил к ним планку с номером N5783542-Z. Тот же номер значился на новенькой папке с неброским штампом «ДОН». После этого психолог вывел снимки на печать и аккуратно вклеил в личное дело.

Уже позже, лежа на узкой кровати в своей комнате, практически засыпающий Коннор достал из кармана обрывок картона. Там не было ни телефона, ни адреса — только рисунок волчьего следа и цифры координат, которые поймет только тот, кто умеет читать карты Зоны.

Для него, автомеханика, привыкшего к чертежам, эти цифры стали первым в жизни паролем в мир, где правила устанавливает не государство, а ты сам.

***

Спустя год шестнадцатилетний Коннор был признан совершеннолетним и переселился в общежитие. Крохотная квартирка на шестьдесят четвёртом этаже, работа в автопарке и полная гражданская дееспособность — после долгих лет в интернате это казалось невероятным везением. Несмотря на эмансипацию, оставался длинный список официальных возрастных ограничений, но Коннор даже не стал открывать эту брошюрку. Ему было плевать. Главное — ненавистные блокираторы наконец-то остались в ЦСА.

Первое, что он сделал, едва обретя эту «свободу», — рванул в старое депо на окраине города, туда, где собирались сталкеры. Всю неделю Коннор перебирал движки в автопарке, а когда наступали выходные, мотался в Приграничье. Там, на загородной базе, в старом ангаре, у него появилась своя собственная маленькая каморка. Коннор искренне радовался этому углу, который он самостоятельно обставил и обжил. Сырая, холодная, но полностью его собственная — здесь он хранил вещи для вылазок и чинил сталкерам технику. Те оценили пользу от появления толкового пацана и по возможности оберегали своего «Малого», не давая ему лезть на рожон.

Так прошло полгода — достаточный срок, чтобы Коннор привязался к сталкерам, научился доверять им и впервые после смерти Барни почувствовал себя частью чего-то живого, частью «Стаи». Теперь он не без тайной гордости носил на рукаве нашивку с волчьей лапой и не подозревал, что встреча со сталкерами, как и многое в его жизни за последние годы, была срежиссирована ради одного эксперимента. Микрочип, внедрённый в левое плечо и исправно посылавший сигналы на монитор Левицки, старшего офицера ДОН, за это время прошёл сложный путь по организму юного сталкера, угнездившись за правым ухом

Эксперимент подходил к своей финальной фазе. ДОНу больше не нужны были пассивные наблюдения. Им нужен был «взрыв», который заставит объект № 5783542-Z выдать максимум его способностей. И «Стая», которую Коннор так искренне считал своей семьёй, сама вела его к краю, действуя по чужой указке и даже не подозревая об этом.

***

Зелёный рой забивался в лёгкие, лишая возможности дышать, и в какой-то момент боль достигла своего апогея, перейдя в странную, пугающую невесомость. Последняя мысль, промелькнувшая в угасающем сознании, была полна детского упрямства и отчаяния: «Я не заорал, фиг вам всем».

***

Высокоэнергетический всплеск оборвал связь с серверами ДОН. Показания с мониторов в лаборатории просто исчезли. Дежурный наблюдатель отчитался перед вышестоящим начальством, внёс в протокол время события и переложил папку N 5783542-Z в другую стопку. Объект наблюдения уничтожен, а у него перерыв на кофе. Как удачно сложилось. Он снял наушники, сладко потянулся и отправился в комнату отдыха.

***

Тишина, гаснущие зеленые огоньки... И ничего вокруг не напоминает о разыгравшейся пять минут назад драме. Никто не знает, куда девается съеденная светляками жертва. Обычно от человека остается небольшая кучка пыли. Тирион Экстон по кличке Т-Рекс грустно вздохнул. Жаль терять приятеля. Но лучше уж Коннор – непонятно как прибившийся к компании парнишка без родни и близких. В ближайшие дни светляки в спячке, а значит, на территории заброшенного военного городка будет людно. Надо успеть первым. Он на секунду задумался, не собрать ли прах, оставшийся от мальчишки, но не стал. Артефакт артефактом, но... Пусть развеет ветром.

***

Вся его короткая жизнь промелькнула за доли секунды. Окружающий мир для него исчез, словно закрывшись множеством мелких тёмных лепестков. Вот только что был — и нет. А теперь ничего нет. Только зависшее в пустоте сознание. Или… Душа? Ну и где там обещанный свет в конце туннеля? Тот, что укажет путь бестолковому недосталкеру? Света не было. Вместо него ледяную пустоту наотмашь прорезала узкая, ослепительно зелёная искра. Пространство натянулось, как готовая лопнуть струна, а затем его просто швырнуло вперёд. Законы аномальной Зоны больше не работали.

***

Ситуация патовая. Они не просто потеряли объект — они потеряли «аномалии», которые были смыслом существования их отдела. Исчезновение Зоны вместе с Эвансом превратило многолетнюю работу в пшик.

Они сидели в полумраке бара на окраине города. Гул, запах дешёвого виски и дождя.

— Вы когда-нибудь видели, как стирают файл? Просто нажатием кнопки «Delete». Раз — и пустота. — Левицки задумчиво крутил в руках свой бокал.

— 578-й — не файл, — возразил Блэйз. — Он был физическим объектом с массой, объёмом и микрочипом за ухом. Датчики показали скачок адреналина, потом пульс зашкалил, мощный выброс кортизола, и… всё. Экран ослеп. И не только экран, Зона ослепла. Я только что получил отчёт: на месте Сектора 4-Б теперь просто лес. Обычные сосны, обычный радиационный фон. Ни пространственных искривлений, ни гравитационных ловушек. Лес и заброшенный, полуразвалившийся военный городок.

— Пятнадцать лет исследований в мусорный бак. — Левицки отсалютовал коллеге бокалом и, наконец, сделал глоток.

— Руководство сожрёт нас. Мы потратили миллионы, чтобы «подвести его к краю». Мы дали ему свободу, дали ему эту его «Стаю». И что в итоге? Он просто аннигилировал Зону?

— Самое страшное не это. Я просматривал его профиль. Уровень кортизола в его крови был такой, что он должен был ослепнуть или впасть в кому. Это был не просто выброс, а кортизоловое цунами. Если пульс — это скорость, то кортизол — это давление, которое разрывало его изнутри. Но он стоял в аномалии, не проронив ни звука. Мы создали не солдата, мы создали сверхновую, которая была готова взорваться от одного прикосновения. Мы формировали «нужные реакции», гасили адреналин браслетами, думали, что держим Коннора под контролем. А он всё это время просто ждал. Он не ненавидел нас — он нас перерос

— Не философствуйте, Левицки. Это был какой-то неизвестный физический резонанс. 578-й мёртв. Растворился.

— Мёртв? Прах, остающийся на месте аномалии и сдуваемый ветром, окаменел в форме руки с блокиратором, пальцы которой были сложены в крайне неприличный жест. «Подарок» лежал прямо в центре бывшей аномалии. Целый, не оплавленный. Знаете, на что это похоже?

— На издевательство, — выплюнул Блэйз.

— На заявление об увольнении. Он ушёл, Блэйз. И, судя по тому, что Зона «выключилась»… Мы думали, что он — подопытный кролик в лабиринте. А оказалось, что лабиринт принадлежал ему, и он просто закрыл за собой дверь.

— Если он жив и где-то объявится… — Блэйз опрокинул стопку.

— То это будем уже не мы. Мы теперь — два неудачника, просмотревших что-то, что оказалось выше нашего понимания. Пейте, Блэйз. Завтра нас вызовут «на ковёр», и там не будет никого, чтобы нам помочь.

***

— Обыкновенно после поглощения аномалией «Зелёный выдох» от субъекта остаётся лишь горсть невесомой серой пыли, которую тут же развеивает ветром. Сталкеры и перекупщики называют её «Пепел феникса» — это довольно востребованный биоматериал для сомнительных исследований в области регенерации. Но в этот раз… — седой профессор замялся,

потирая переносицу. — Прах объекта 5783542-Z не исчез. Он спрессовался в плотный, твёрдый конгломерат, поразительным образом сохранивший форму… руки.

Раздалось сдавленное хихиканье, переходящее в совершенно неуместное в лаборатории веселье. Учёные столпились вокруг лабораторного стола, на котором покоилась эта самая рука. Застывшая, она демонстрировала отчаянный жест — средний палец, направленный вверх.

Профессор с почти религиозным трепетом поднёс к каменному пальцу алмазный бур. Когда инструмент коснулся поверхности, раздался звук, похожий на визг, во все стороны посыпались искры, но на сером шершавом материале не осталось даже следа. Каменная скульптура казалась насмешкой над самой материей.

— Она невредима, — констатировал профессор.

В помещении снова послышались смешки и ропот удивления. Лаборанты, переглядываясь, осторожно перенесли «экспонат» на пластиковую подложку и накрыли сверху прозрачным защитным футляром. Профессор вытер пот со лба и начал быстро диктовать:

— «Артефакт демонстрирует абсолютную плотность, не поддающуюся механическому воздействию…»

И вдруг на глазах у ошеломлённых учёных каменная рука внутри футляра продемонстрировала ещё одно свойство — способность бесследно исчезать, растворяясь в воздухе. Профессор уронил диктофон, лаборанты застыли вокруг опустевшего футляра.

Часть 2 Иная реальность

Этот крошечный мирок выглядел затерянным среди лесов и гор. Он не был частью какого-то государства или географической карты — это было самодостаточное, замкнутое пространство. У него не было и не могло быть случайных соседей. Хозяевами здешних мест были горные тролли — существа огромные и несколько пугающие, на первый взгляд. На деле же они были воплощением мудрой деликатности: тролли оберегали границы чужого покоя и ждали такой же тишины в ответ. То, что они давным-давно позволили одной человеческой семье обосноваться на своей территории, считалось высшим знаком доверия. Но однажды хозяин коттеджа, уходя в очередной «загул» по мирам, оставил ключи своим друзьям. Он мудро рассудил, что отказать умоляющим глазкам котиков невозможно... А «котики» — две бойкие фурри-кошки — вскоре привели сюда своих друзей. Так и возник «Кошкин дом» — уютное пристанище для своих. Здесь, в тихом междумирье, теперь собирались подростки из разных миров, совершенно разные, но ставшие друг для друга близкими друзьями. Тролли относились к этой стайке с молчаливым одобрением: звуки гитары и смех вплетались в шум леса, не нарушая его гармонии.

Сейчас в доме находились двое: Дэйна и Шейн. Или трое, если считать питомицу девочки, белую голубоглазую кошку Фионну. Кошка лежала рядом с хозяйкой, а та, не отрываясь от экрана телефона, увлеченно щебетала:

— Да помню я, помню… сейчас… Дерек достал: целыми днями рубится в эту свою бродилку, а потом ходит и бухтит на весь дом, что его опять убили на третьем уровне. Нарисую его в виде того несчастного сталкера. — Девочка критически оглядела результат и поменяла получившемуся парню прическу. — Скажи, похож получился?

— Похож, только рюкзак какой-то нелепый… Лямки под нагрудными карманами, — усмехнулся Шейн, привычно сдувая длинную светлую чёлку, которая вечно лезла в глаза. Надо было признать: Дэйне реально удалось передать черты своего брата в анимешном человечке. Сходство было поразительным, но говорить об этом вслух парень, конечно, не стал. Из чистой вредности.

:— Да забей, что было в мейкере, то и использую. Добавлю текст, распечатаю и повешу постер Дереку над компом, пусть смотрит, проникается сочувствием. Может, прекратит, наконец, убивать сталкеров.

Шейн, крутивший в руках яблоко, только скептически вздохнул.

— Ага, напиши: «Миссия: Выжить. Сложность: За компом Дерек», — хмыкнул Шейн.

— Можно и так... Или так: «Удали свою дурацкую игру, спаси сталкера и наши нервы». — Дэйна на секунду зависла над телефоном. — Ай, ладно, потом придумаю.

— Думаешь, твой плакат его остановит? Геймеры неизлечимы, Дэй. Вылезай из экрана, у самой уже глаза квадратные.

— Ну подожди, буквально пара штрихов осталась, — Дэйна упрямо тряхнула головой, отбросив назад рыжие волнистые волосы. Она продолжала быстро водить пальцем по стеклу. — Сейчас сохраню настройки и…

И вдруг девочка осеклась на полуслове.

— Ой... Мамочка... — выдохнула она, стремительно бледнея.

Прямо в центре комнаты, соткавшись из воздуха, появился он. Тот самый сталкер из мейкера, но в рваном, пропитанном кровью комбезе, с грязными волосами и диким, затравленным взглядом. Увидев подростков, парень попытался что-то сказать, но силы оставили его. Он рухнул на четвереньки, сотрясаясь в глухом, надрывном кашле. Кошка зашипела, выгнув спину дугой, а Дэйна и Шейн, быстро подавив первый страх, уже бросились к нему...

Но прежде, чем они успели коснуться его, Коннор, замерцав, исчез и мгновением позже оказался в песочнице во дворе этого же дома. Вокруг были куличики, яркие формочки и застывшие от ужаса дети. Раздался пронзительный визг. Маленькая девочка в ужасе закрыла глаза ладошками, а её близнец, не раздумывая, бросился в атаку. Отважный малыш изо всех сил опустил лопатку на голову нарушителя. Раздался сухой треск. «Страшный пришелец» исчез так же внезапно, как и появился, успев лишь раздавить пару песочных куличиков.

— А вдруг... вдруг он был хороший? — всхлипнула малышка, выглядывая из-за ладошек.

— Хорошие в чужие песочницы не лезут и детей не пугают, — уверенно отрезал брат, обнимая сестру.

Он и не подозревал, что его удар — удар тролля, пусть и совсем еще маленького — стал для измученного Коннора последней каплей, едва не оборвавшей его путь по мирам навсегда.

***

— А почему он кашлял? — Дэйна растерянно посмотрела на место, где только что стоял парень. — Дерек на картинке был целым и здоровым… Откуда кровь?

— Может, у него аллергия на кошек? — предположил Шейн, кивнув на прижавшую уши Фионну.

Дэйна молча сгребла кошку в охапку и уткнулась носом в её тёплый бок.

— Нет. Тут что-то другое... И куда он исчез?

***

Мир, полный золотого солнечного света, пробивающегося сквозь густые кроны исполинских деревьев, звался Зеленокрай. Там не было мегаполисов и выжженных пустынь. Весь мир — бесконечный сад, где смешались леса, цветущие луга и кристально чистые реки. Там не было войн, все споры решались миром. Главной ценностью была жизнь в согласии с природой.

Богиня, сотворившая этот мирок, обожала кроликов, кошек, лис и волков, ими она и населила его. Эволюция наделила их разумом, но сохранила животные черты в характере и облике. Большинство из них были внешне похожи на обычных людей, но имели звериные уши и хвосты, а их рост не превышал 120 сантиметров. Жители Зеленокрая ценили уют и личное пространство. Города здесь были группами очаровательных домиков, вписанных в ландшафт. Коттеджи волков и лис — из камня и дерева, с панорамными окнами и каминами. На массивных ветвях исполинских деревьев располагались изящные жилища кошек, с террасами и подвесными мостиками. Кролики предпочитали селиться в «полунорках» — светлых уютных домах, наполовину уходящих в холмы или в дупла деревьев.

Технологии здесь были, но «тихие»: велосипеды, фонари на светящихся кристаллах, системы полива, которые не вредят почве. Местные жители следили за здоровьем деревьев и

создавали механизмы, работавшие на энергии падающей воды. Туда-то и попал Коннор, уже в изрядно побитом и несколько измененном аномалией состоянии.

Вечеринка в небольшом коттедже была в разгаре, когда прямо из воздуха на стол с закусками упало тело. Никто из толпы веселящихся подростков, наряженных в страшные маски и костюмы, этого и не заметил. Почти никто.

— Эй, мистер демон, вы задержались, надо было с дымом и пафосом проявляться в нарисованном мелом круге, а не в чаше с пуншем, через два часа после призыва. Стыдно, — укоризненно высказалась маленькая волчица с пушистыми белыми волосами.

Тело замерцало и исчезло в вихре зеленых огоньков.

***

Этот дом располагался внутри огромного, раскидистого дуба, который рос на лесной опушке, залитой лучами предзакатного солнца. Стены жилища представляли собой гладкую, отполированную изнутри древесину с естественными изгибами и узорами, что придавало дому уникальный природный шарм. Свет проникал через несколько окошек, застеклённых и украшенных лёгкими занавесками из льна. На стенах — изящные фонари, которые вечером наполняли дом тёплым янтарным сиянием.

Ива, единственная дочь хозяев древесного жилища, впервые осталась дома одна и надолго. Мама с бабушкой уехали в санаторий, а папу внезапно вызвали в командировку. Ива, уютно свернувшись в кресле, держала в руках биопланшет и общалась по видеосвязи.

— Да, мамуль, не переживай. У меня точно всё хорошо, я ничего не боюсь. Ладно, если что, позову в гости кого-нибудь. Пока, люблю тебя, поцелуй за меня бабулю.

Девочка отложила планшет и подошла к окну. Солнечные батареи на стекле закончили дневную зарядку, и теперь фонарики на стенах начали постепенно наливаться светом. В этом доме, где древняя магия живого дерева встречалась с чистотой технологий, она чувствовала себя в полной безопасности. Ива кинула взгляд на свой ярко-голубой велосипед, оставленный возле крыльца, полюбовалась новой корзиной на руле и вспомнила про оставленные в ней свежие булочки. Она выбежала во двор, чтобы вернуться буквально через полминуты.

На полу комнаты появился Коннор. Он полулежал, привалившись к креслу, откинув голову на подлокотник, его глаза были закрыты, а из рассеченной скулы торчал осколок стекла,

от той самой чаши, на которую он упал. Его рваная одежда была перемазана грязью, кровью, пуншем и едой.

Вернувшаяся Ива, узрев пришельца, отчаянно завизжала и Коннор тут же исчез в вихре огоньков. Раздался только мягкий шлепок булочек, упавших на пол.

В соседней комнате что-то громыхнуло и Ива, боязливо прижав ушки и схватив с кресла пушистый бирюзовый плед, отважно пошла на звук.

Пришелец лежал, скрючившись на полу в спальне бабушки, между сундуком и кроватью. Девочка тихонько окликнула его:

— Эй, уважаемый, вам плохо?

Парень никак не отреагировал, и она рискнула подойти чуть ближе. Определенно парень, чуть покрупнее, и наверное, постарше ее самой, волк или лис, кажется. Или... Неужели хоббит? Она видела двоих в прошлом году, когда ездила с папой в торговый анклав. Добродушные создания, только этот худой какой-то... А еще эта жуткая рана на щеке... Она осторожно подошла поближе и накрыла «гостя» пледом. Если он проявит агрессию, то запутается в пледе и она успеет убежать. А если нет, то хотя бы не будет мёрзнуть на полу.

Пришелец, ощутив на щеке дуновение воздуха, замерцал и исчез. Только огоньки мелькнули. А бежевый бабулин коврик теперь испачкан кровью...

И опять грохот, теперь уже в ее комнате... Ива взбежала наверх по лестнице и распахнула дверь. Так и есть, лежит, опять на полу, под столом. Вроде, дышит. Она зажмурилась и посчитала до пяти. Открыла глаза, незнакомец лежал на месте. Тогда она подошла выступу на стене, образованному изгибом дерева, тихонько подула в углубление, активируя портал, и просвистела затейливую мелодию. Небольшой участок стены на этом месте уплотнился, и, покрываясь ивовой корой, превратился в крошечную дверцу в стене, по размеру как раз для Ивы. Она открыла дверь, и, заглянув за нее, громко позвала кого-то.

***

На зов Ивы явилась ее подруга Киара – фурри-кошка из иного мира. Серая пятнистая шкурка, желтые глаза и чёрная гривка с красными прядями. Чуть пониже хозяйки дома, но выглядела она немного старше.

— Вот, смотри, он как привидение, то появляется, то исчезает, и истекает кровью...

— Фу, он такой грязный, — протянула кошка.

— И лысый, да, я помню о твоих претензиях к людям. Но ему нужна помощь...

Кошка осмотрела его рану с застрявшим осколком и без лишних слов достала нож. Зайка прижала ушки и побледнела.

Киара, видя реакцию Ивы, начала командовать:

— Срочно неси какой-нибудь спирт!

— Какой? У меня нет... — пролепетала зайка. — Давай целебный травяной настой, его бабушка делает?

— Настоем ты его будешь поить потом! Сейчас тащи что-нибудь из папиной коллекции, и покрепче. Неизвестно, где он такой валялся и какой еще заразы набрал.

Зайка кивнула и умчалась, а Киара, прищурив глаза, посмотрела на человека.

— От вас, лысых, одни проблемы... Но ты извини, если что...

Вскоре Ива прибежала обратно, сжимая в одной руке бутылочку, а в другой — упаковку стерильного ярко-зелёного мха. Киара, стараясь не смотреть на бледное лицо парня, сосредоточилась на ране, в которой застрял осколок, потом перевела взгляд на свои дрожащие лапы, готовые выронить нож. Раздался хруст — зайка отвинтила пробку, и воздух наполнился резким ароматом виски. Обе девочки одновременно сморщили носы. Кошка взяла бутылочку и замерла, собираясь с силами.

— Держи его, — тихо, сдавленным голосом произнесла она.

Ива осторожно, но крепко ухватила парня за плечи, чтобы он оставался неподвижным. Киара быстро плеснула алкоголь на свой нож, потом на рану и ловко поддела осколок остриём, вынимая его. Несмотря на беспамятство, Коннор отреагировал на боль — неожиданно его пальцы, ища опоры, с силой сомкнулись на тонком зайкином запястье. Огромные зелёные глаза наполнились слезами, но Ива не проронила ни звука. Киара вылила остатки виски на рану, а зайка свободной рукой прижала к разрезу комок мха. Он мгновенно потемнел, впитывая кровь. Пальцы Коннора разжались, и девочка осторожно вытащила руку, потирая запястье. Кошка пошарила в рюкзаке, достала оттуда потрепанного плюшевого мишку и сунула в ладонь парня.

— Лучше уж пусть мишку терзает, чем тебя. Придурок. — Она прищурилась, глядя, как грязные пальцы мёртвой хваткой вцепились в её игрушку. — Покажи руку.

— Ему просто было больно, и он не понимал, что делает, — отмахнулась зайка, осторожно накрывая парня пледом.

Коннор затих. Судорожно зажав в кулаке медвежонка, он, кажется, не планировал никуда исчезать.

— Последи за ним пока, ладно? — пойду чайник поставлю, и надо кровь убрать... У бабушки на ковре и в зале.

— Ты что, его по всему дому валяла? — удивилась кошка.

— Нет, он сам! — поспешно возразила Ива, убегая.

Киара опять порылась в рюкзаке, достала упаковку детских пластырей с рисунками и выложила их на стол. Определённо, розовые бегемотики и весёлые машинки с глазками — это то, что ему нужно. Киара хихикнула и взялась за гитару. Тихие переборы не заглушали прерывистого дыхания парня, но музыка немного успокаивала её саму. Возможно, и его тоже.

Она как раз отдыхала в «Кошкином доме», когда вдруг услышала крик Ивы. Если та кричит, что срочно нужна помощь, значит, дело действительно серьёзное, иначе сама бы явилась. Портал, конечно, удобная штука, но порой уж больно хлопотная. Никогда не угадаешь, когда тебя побеспокоят. А сегодня ещё и заставили участвовать в жутком деле...

Тем временем Ива вернулась, торжествующе потрясая флакончиком.

— Я совсем забыла, надо же было перекисью водорода! Я её достала, чтобы очистить ковёр, а потом вспомнила, что рану надо ею промыть! — прошептала она.

Киара кивнула и отложила гитару. Они осторожно, без резких движений, намочили и отклеили мох, обработали рану, и ещё раз промокнули её чистым мхом. После этого крест-накрест заклеили скулу бактерицидным пластырем с бегемотиком. Киара опять взялась было за гитару, а Ива собрала мох и упаковку от пластыря, чтобы выбросить.

— Ой... Смотри, что это?

В слипшейся массе мха и крови поблескивал какой-то странный маленький предмет.

— Знаешь что? Мне кажется, это мина. А он смертник. — Киара предположила худшее. — Давай её сюда. — Она огляделась по сторонам, взяла со стола жестяную коробочку, вытряхнула оттуда леденцы, постелила немного мха и положила находку на него.

— Подожди, дай, я сфотографирую! — Ива приблизила планшет и нажала на кнопочку, фиксируя в памяти устройства загадочную штуковину. Мало ли, потом покажут кому-нибудь, кто знает, что это.

Киара закрыла коробочку. Встала, подошла к той самой выемке, подышала в неё, промурчала мелодию, и быстро скрылась за ивовой дверцей. Ива не решилась выходить из комнаты, так и сидела возле спящего Коннора, напряжённо переводя взгляд с него на вход в портал.

***

Господин Ясень Клевер, носящий титул «Голос Тишины» — официального посредника Зеленокрая в переговорах с другими мирами, — вряд ли обрадовался бы появлению чужого полумёртвого мальчишки в своём доме. Но, принимая решение разрешить дочери общение

с жительницей иного измерения, он осознавал все риски. Клевер сам настроил портальное «окошко», хотя они с Ивой и предпочли скрыть этот факт от мамы и бабушки.

Как профессиональный дипломат, он видел в этой дружбе не только риск, но и редкую возможность: где, как не в личном общении, Ива научится понимать истинную суть иных культур, скрытую за протоколами? Поощряя её дружбу с Киарой, Клевер фактически готовил дочь к будущему, веря, что личная привязанность — лучший фундамент для межмирового согласия. Кроме того, это был его способ загладить вину перед девочкой за шок от её первого случайного прыжка и дань глубокой благодарности Киаре за спасение Ивы.

Жители Зеленокрая знали о порталах, но доступ к ним имели лишь высокопоставленные чиновники и главы торговых анклавов. Ива попала в мир Киары случайно, воспользовавшись служебным переходом отца. И хотя местные жители — антропоморфные животные, её не испугали, сама цивилизация стала потрясением. Для девочки, выросшей в гармонии Зеленокрая с его гидроэнергией и поющими водопадами, мир кошки выглядел концом света. Маленькая зайка в белом платьице и гольфиках оказалась посреди вонючего, ревущего проспекта. Дым из выхлопных труб, грохот грузовиков и визг тормозов тяжёлых железных машин...

Киара — кошка с гитарой за спиной и растрёпанной чёрно-красной гривой — выдернула её буквально из-под колёс. Она смачно выругалась, не понимая, откуда в этом хаосе взялось это недоразумение с огромными наивными глазами. А Ива, вцепившись в рукав её куртки, боялась выпустить спасительницу из виду. На репетиции панк-рок группы, куда Киара привела гостью, зайка открыла для себя новую музыку. В своём мире она никогда не слышала такого «крика души», и этот драйв заставил её по-новому взглянуть на мир Киары. Ну, а кошка увидела в Иве редкую чистоту и искренность.

Тем временем господин Клевер, замаскированный под обычного фурри-кролика, в панике искал дочь в чужом мегаполисе. Когда он всё-таки нашёл Иву и узнал о поступке Киары, его благодарность была безмерной. Однако статус «Голоса Тишины» обязывал его быть осторожным: если бы кто-то узнал, что Ива способна активировать портал, её могли бы попытаться использовать в политических интригах. К тому же, мир Киары не был безопасным местом для прогулок его единственной дочери. Решением стал её личный проход в «Кошкин дом», небольшой коттедж в тихом междумирье. Ключи от этого домика имелись у Киары.

Клевер подошёл к вопросу с инженерной хитростью: «окошко» было настроено строго по росту Ивы. Взрослый воин или шпион просто не протиснулся бы в него физически. Фильтр был запрограммирован на биометрию обеих девочек, позволяя каждой проходить самостоятельно. Но чтобы провести за собой третьего, требовалось их одновременное присутствие: Ива и Киара вместе становились живым ключом к порталу.

***

— Держи, — вернувшаяся Киара потопала ботинками внутри портала и, войдя в комнату, положила перед Ивой веточку верблюжьей колючки. — Красивая штука, да? — Портал исчез, оставив за спиной кошки лишь гладкую древесину.

— Ой, наконец-то ты вернулась! — Ива осторожно потрогала иголку пальчиком. — Красиивая... Всё хорошо?

— Да, всё хорошо, где закопала, не скажу, но далеко от жилья.

— Я имела в виду, с тобой всё хорошо?

— Ну, как видишь. Когда папа возвращается? Портал успеет перезарядиться?

— Да, успеет! Папа через неделю, мама с бабушкой через две.

— Отлично. Теперь главное, чтобы наш питомец пришёл в себя и не окочурился от нашей медицины...

«Питомец» спал на полу, тяжело дыша, а на его лбу выступила испарина.

Ива вздохнула и пошла за водой, прихватив с собой мусор.

***

В мире Киары, населенном фурри, не было людей и эльфов. Поэтому, впервые оказавшись за пределами родного мира и столкнувшись с непонятными бесшерстными существами, она очень испугалась и посчитала их больными заразной болезнью. Со временем кошка всё же научилась не прятаться и не убегать, но так и не смогла избавиться от лёгкой неприязни. Люди, эльфы, хоббиты, кендеры и прочие антропоморфные разумные расы для неё оставались «лысыми». Как ни странно, но на народы Зеленокрая это определение не распространялось. Так что «питомец» в её исполнении звучало очень даже ласково.

Ива вернулась с тазиком, чайником воды, кружкой и чистой тканью. Поставила кружку на стол, а сама села рядом с Коннором, намочила ткань и положила ему на лоб. Тот поморщился, попытался было вырваться, не открывая глаз, но вскоре затих. Дыхание выровнялось. Киара во всём этом не принимала участия, она тихонько играла на гитаре.

***

Кажется, парень, закутанный в тёплый пушистый плед, начал просыпаться. Во всяком случае, он потянулся потрогать скулу и наткнулся на пластырь. Киара, заметив краем глаза движение, прервала игру и окликнула задремавшую в кресле Иву. Та подскочила, как будто и не спала, а от этого резкого движения парень исчез в вихре зелёных огоньков.

— Офигеть... — только и прошептала Киара, во все глаза глядя на опустевшее место. Для неё, в отличие от Ивы, уже ловившей «гостя» по всему дому, эта магия была новостью.

***

Теперь пришелец лежал на диванчике, куда его занесло следующим спонтанным прыжком. Глаза были закрыты, на лбу компресс, мокрые волосы сосульками свисали вокруг лица. Рядом сидели обе девочки. Киара так и заснула в обнимку с гитарой, Ива еще бодрилась, но тоже клевала носом, поминутно заваливаясь на плечо подруги. Где-то за окном закричала ночная птица, и гость, замерцав, исчез в вихре огоньков. Ива вскочила и заметалась в поисках, оглядывая комнату, а проснувшаяся Киара бросилась плотнее закрывать окно, чтобы отсечь лишние звуки. Парень появился вновь, на другом месте — прямо под дверью. Киара молча, и от этого не менее выразительно, возвела взгляд к потолку и покрутила пальцем у виска. Ива просто подошла и поправила на нем плед. Мишку пришелец так и держал в руке, как будто цеплялся за что-то незыблемое. Всю ночь он то исчезал в огоньках, то появлялся вновь, а в край измотанные девочки пытались хотя бы просто накрывать его или фиксировать на месте.

***

Утром он открыл глаза. И даже сфокусировался на девочках.

— Пить хочешь? — Ива, улыбаясь, протянула загадочному гостю кружку. — Ты лежи, не делай резких движений и больше не исчезай, пожалуйста, ладно?

Коннор осторожно кивнул и потянулся за кружкой. Мишка упал на пол, и кошка метнулась было к нему, но Ива придержала ее за плечо.

— Я это заберу? Если он тебе уже не нужен, конечно. — Киара выжидающе уставилась на гостя.

— Забирай, это не моё, — поспешно открестился парень, мотнув головой.

— Это моё. Эй, не исчезай! Чертова феечка, блин.

Гость растворился в вихре огоньков, пустой плед осел на кровати. Ива поставила кружку на стол и тяжело вздохнула. Киара развела лапами.

— Ну извини, так получилось, — она подняла мишку с пола и прижала к груди.

***

Очередное пробуждение было на кровати, под пледом и с мишкой в руке.

— Зачем… мне… мишка? — хрипло выговорил парень.

— Чтобы не сломать Ивку, конечно. Ты так вцепился в её руку… — Киара сурово покосилась на него, а Ива, прижав ушки, поспешно натянула на запястье рукав. Недостаточно поспешно, он успел заметить синяки.

— Прости… я не хотел, — шепнул пришелец.

— Я знаю, — ответила зайка. — Потом расскажу, спи.

Гость послушно закрыл глаза и довольно быстро отключился. Дыхание выровнялось. Но тут раздался мелодичный перезвон колокольчиков — в дверь позвонили. Огоньки, исчезновение…

— Иди открывай, — Киара уже заметила ноги под кроватью. — Хорошо, сейчас хоть только по комнате мечется. Я посторожу.

Парень спокойно посапывал под кроватью, а Киара напряжённо прислушивалась к происходящему внизу.

***

В воздухе поплыл густой, одурманивающе сладкий аромат теплой вишни и корицы — верный признак того, что на пороге стоит тётушка Морошка. Ива замерла у двери, судорожно сжимая ручку. Сердце зайки пустилось вскачь: в комнате наверху лежал этот странный пришелец, реагирующий на резкий звук или движение. Сейчас любой шорох в тишине дома казался Иве грохотом обвала. А тут эта шумная соседка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.